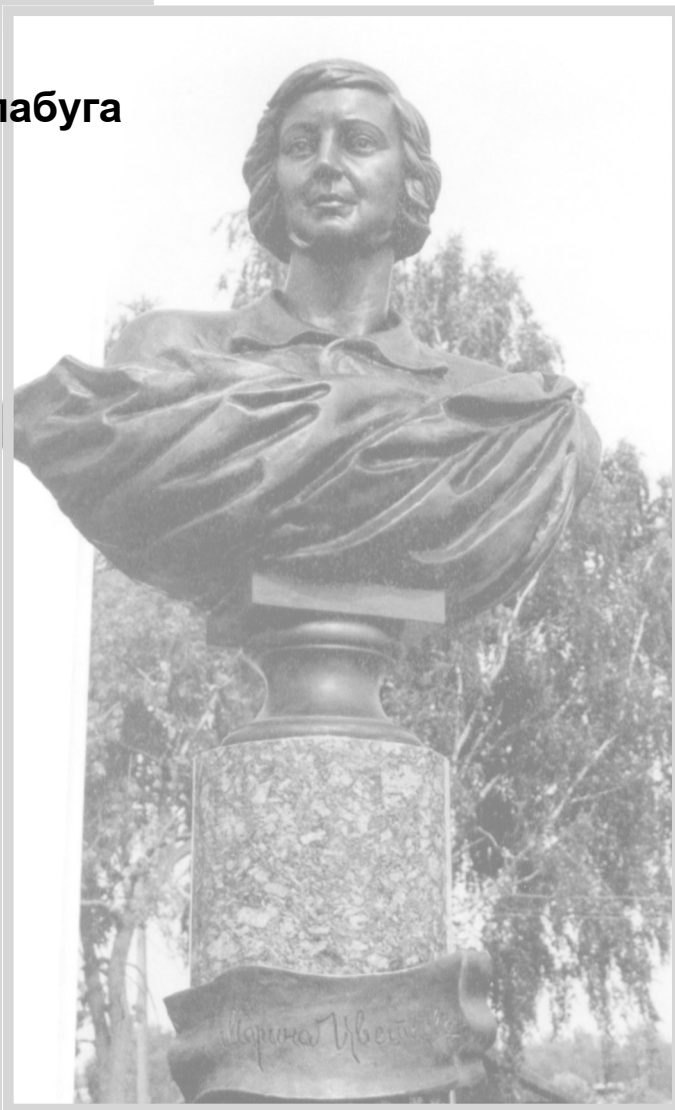

Рафаэль Мустафин

Цветаева и Елабуга

«На бегу меня
тяжкой дланью схватила
за волосы судьба»

163

Марина Цветаева – это особый духовный мир, своя поэтическая Вселенная.

Она создала свою поэтику, свой синтаксис, свои особенности поэтического языка, свою ритмику и образную систему. С годами её поэзия не только не устаревает, но, наоборот, звучит всё мощнее и актуальнее.

В последние несколько десятилетий стихи М.Цветаевой на устах у всех истинных любителей поэзии. Пусть с трудом, не сразу они были канонизированы и официальной критикой, и научным литературоведением. Можно смело утверждать, что эта поэзия сегодня заняла подобающее место в истории русской литературы XX века, а именно — одно из центральных. А сама М.Цветаева утвердилась в общественном сознании как великий поэт.

Одновременно с этим в литературной и окололитературной среде возникло множество мифов и легенд о последних днях поэта в Елабуге. Не стану их пересказывать. Отмечу лишь, что чуть ли не каждый из поклонников М.Цветаевой придерживается своей версии о причинах её самоубийства.

Развеем эти мифы могут лишь реальные факты. Вот почему я решил вновь обратиться к теме «Марина Цветаева и Елабуга», о которой мне не раз приходилось писать и до этого.

Одной строкой

В Краткой литературной энциклопедии о последних днях Цветаевой сказано одной строкой: «Покончила с собой, находясь в эвакуации».

Одна строка из биографии большого поэта... Что стоит за нею?

Летом 1964 года я приехал в Елабугу и занялся поиском материалов о пребывании здесь Марины Цветаевой. С помощью местных краеведов нашёл дом, в котором она провела последние дни, и записал рассказ квартирной хозяйки Анастасии Ивановны Бродельщиковой.

Узнав от хозяйки, что её уже разыскала сестра Цветаевой, я было успокоился на этом.

Спустя многие годы, в середине восьмидесятых, читая дополненные и расширенные «Воспоминания» А.И.Цветаевой и сравнивая их со своими записями, я узнал какие-то подробности, ко-

торые в чём-то дополняют написанное сестрой поэта, а в чём-то и не совпадают с её версией.

Я вёл свои записи непосредственно по ходу рассказа хозяйки. Со мной были елабужский писатель Сергей Ефремов и московский прозаик Евгений Герасимов (оба ныне уже покойные).

Из рассказа А.И.Бродельщиковой у меня сложилось представление о ней как о человеке добром, душевном, ясно и трезво мыслящем, не склонном что-либо присочинять и приукрашивать. Но при всей добросовестности нельзя не считаться с возможной абберацией памяти. Я говорю это потому, что после нас у Бродельщиковой побывало много всякого народа, причём поток этот нарастал с каждым годом.

Приходится отметить, что Бродельщиковым причастность к исторической личности, круто и внезапно вошедшей в «моду» в середине 1960-х годов, не принесла ничего, кроме хлопот и беспокойства. Простые, гостеприимные, скромные, они не могли отказать приезжающим издалека. Всё расскажи, покажи, ответь на бесчисленные вопросы... Вполне понятно, что у них нарастали и утомление, и раздражение. А среди «любителей» попадались довольно настырные. Так, кто-то «увёл» томик стихов М. Цветаевой, подаренный хозяйке А.И. Цветаевой. Другие умоляли продать «за любые деньги» домовую книгу с записью о прописке, сделанной рукою сына поэта. Третьи пытались выдернуть «на память» гвоздь, на котором повесилась М. Цветаева. Дай им возможность, они бы разобрали на сувениры весь дом по брёвнышку.

В конце концов Бродельщиковы вынуждены были продать дом и переехать на другое место.

Наша встреча произошла ещё до начала этого бума. Насколько я понял, мы были у Бродельщиковых вторыми после А.И. Цветаевой. Этим во многом объясняется доброжелательность хозяев.

Но хватит предисловий. Вот мои записи в том виде, как они сделаны в 1964 году.

Краткая хроника пребывания М.И.Цветаевой в Елабуге

18 августа 1941 года Марина Ивановна с сыном Георгием приехала в Елабугу. В первые дни ночевала в библиотеке культпросветтехникума. Днём ходила по городу в поисках работы. Побывала в педагогическом институте, городской библиотеке и других местах. Всюду встретила отказ...

С 21 августа стала жить в доме Бродельщиковых по улице Ворошилова, 10 (ныне улица Малая Покровская, 20).

26 августа в Чистополе М. Цветаевой написано заявление с просьбой устроить её на работу посудомойкой в столовую Литфонда.

31 августа М. Цветаева покончила с собой.

Почерневший бревенчатый домик*, должно быть, ещё дореволюционной постройки. На улицу выходят три низких, без ставен, окна с простыми некрашеными наличниками. Дряхлая, покосившаяся калитка с железной щеколдой...

Нас встречает маленькая сухонькая старушка, похожая на учительницу-пенсионерку. Спокойно выслушав нашу просьбу, усаживает нас, садится, положив коричневые жилистые руки на выцветшую клеёнку стола, и также спокой-

но выражает готовность отвечать на наши вопросы.

– Долго у вас прожила Марина Ивановна?

– Нет, недолго. Дней десять. Да и то дня три проездила в Чистополь. Так что, почитай, неделю она у меня прожила, не больше.

– А вы её хорошо помните?

– Помню, как не помнить... («Тем более такое дело», – вставляет Е.Н. Герасимов.) Да... Но не только поэтому. Она у меня первая эвакуированная была (она произносит «выкуированная»). Прежде мы никого не пускали. Избёнка, сами видите, маленькая, самим тесно. А как началась война, тут уж не считаешься. Приходят ко мне из горсовета, что ли, уж не помню точно. Говорят: подселать к вам будем. Ну что же, подселайте, раз такое дело. Да. Много их тогда понаехало...

– Когда это было?

– В августе, в середине или, пожалуй, в двадцатых числах. Да она не одна, много их было, целой толпой разводили по квартирам. А ей, сердечной, то ли комнатуха наша глянулась, то ли устала очень. Говорит: «Никуда я больше не пойду, здесь останусь»***... С нею сын был, лет шестнадцати. Георгием звали. Она-то его Муром называла.

Ростом-то он высокий был, не дотянешься (она показывает рукой, какой он был высокий). И она-то сама не маленькая, сутулая такая***, в берете, волосы коротко подстриженные, наполовину

* Дом находился по адресу: ул.Жданова, 20. В годы войны это была ул. Ворошилова, ныне – Малая Покровская.

** А.И. Цветаева пишет об этом со слов той же хозяйки несколько иначе: «Вошла с другими писателями, ещё с порога, увидев за занавеской отдельную комнату в два окна, сказала: «Эту комнату беру я!» (Значит, у неё ещё была воля к жизни...)»

Сомнительно, чтобы хозяйка спустя много лет в точности повторила слова М.Цветаевой. Во всяком случае, из того, как А.И.Бродельщикова рассказала об этом моменте нам, я бы не сделал столь категорического вывода о «воле к жизни».

*** М.И.Цветаева была среднего роста и ходила всегда очень прямо, по выражению А.С.Эфрон, «как струночка». Однако маленькой ростом хозяйке она вполне могла показаться высокой, а сутулой – из-за усталости, подавленности.

седые и цветом... вот как у вас (она показывает на светло-русые волосы Сергея Ефремова). Сначала-то она мне не понравилась. Уж больно она была какая-то...

– Надменная? – подсказывает Герасимов.

– Да, гордая очень, что ли. Почти не разговаривала со мной. Но потом мы с ней вроде бы даже подружились. Мы ведь с ней однолетки, она на год только постарше, я с 93-го, она с 92-го года. Обе курили. Папирос не было, курили местный самосад. Сама-то она не умела свёртывать сигарку, я ей заверну, мы и дымим на пару... Только немного она у меня пожила, голубушка...

– А в какой комнате она жила?

– Да вот тут, за перегородкой.

Анастасия Ивановна проводит нас в крохотную пяти-шестиметровую комнату за невысокой, не достающей до низкого потолка фанерной перегородкой. Вместо двери – проём с выцветшей занавеской. Два боковых окошечка смотрят в сад.

– Сад-то недавно здесь разбили, – поясняет Анастасия Ивановна. – А раньше здесь пустырь был, свалка.

– А здесь всё как было? Ремонта капитального с тех пор не было?

– Нет. Печку вот только переклади да потолок побелили, а то всё как было. Вот тут её кровать стояла (она показывает место слева от двери, у печки), а тут, на кушетке, сын её спал (А.И. Цветаева запомнила всё наоборот: «кровать отдала сыну»). Этим, собственно, исчерпывалась вся обстановка: кушетка, кровать и маленький столик или тумбочка. Даже стулья ставить некуда.

Я оглядываю обстановку соседней «залы». Пузатый чёрный комод. Квадратный стол под зеркалом в такой же чёрной раме. Бывший когда-то оранжевым, а сейчас серовато-розовый абажур. Крашенная синим железная кровать. Почерневшие гнутые стулья. За двадцать три года в доме Бродельщиковых прибавилась только одна вещь – пружинный диван с зелёной обивкой в цветочек.

– Всё-таки как это произошло?

Анастасия Ивановна садится на место и, не заставляя долго упрашивать, продолжает:

– В этот день всех – и местных, и «выкуированных» послали расчищать место для аэродрома. Старик у меня ещё затемно уехал на рыбалку и внука с собой взял. Сама Марина Ивановна не смогла пойти – приболела она, всё больше лежала в последние дни, – и вместо неё со мной пошёл Георгий.

– Одна она, значит, дома осталась?

– Да, когда мы уходили, я ещё сказала ей: одна, мол, ты остаёшься домовничать*. Присмотри, мол, как и что...

– И ничего такого не заметили за ней? Никаких перемен?

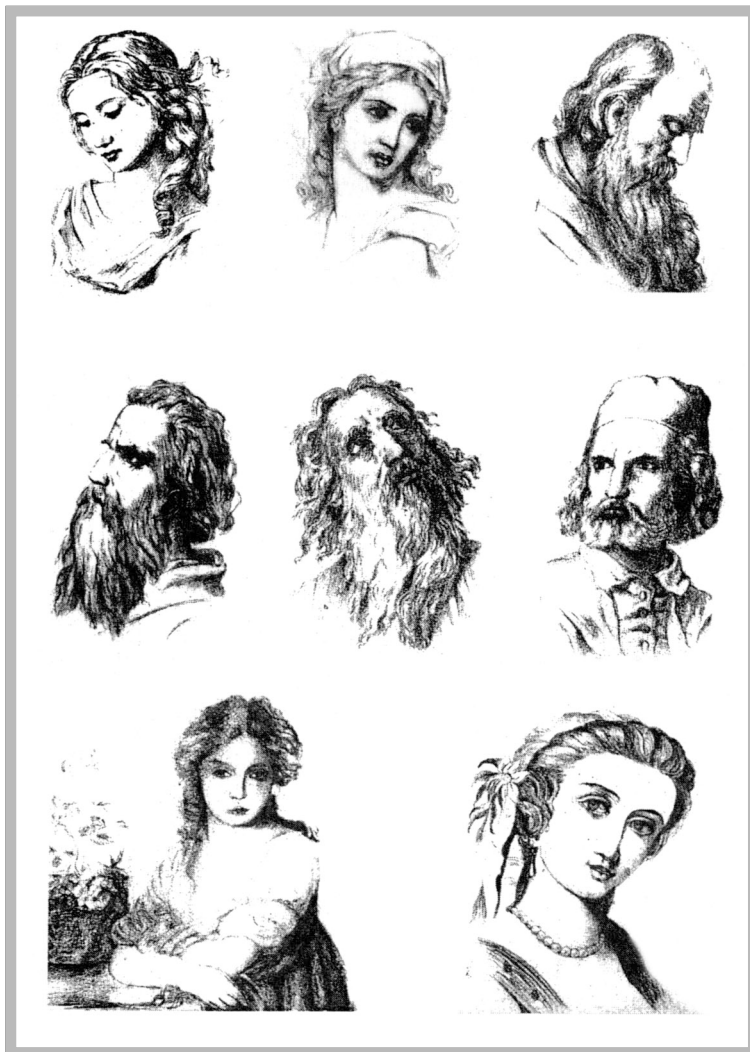
– Нет. Мне-то ведь и в голову... До этого она в Чистополь ездила. Сказывала – к поэту Асееву. Вернулась расстроенная**. Очень что-то переживала. Видно, она уехать, что ли, хотела. Здесь она тоже искала работу, да какая тут работа? Многие эвакуированные работали в совхозе, это в пяти километрах от нас. Только легко ли ходить туда и обратно – осенью по грязи, зимой по снегу? Да и работа тяжёлая. С лопатой да вилами. Купит у нас рыбу (старик у меня рыбак заядлый), а потом просит:

* По записям А.И.Цветаевой, эти слова сказал муж хозяйки.

** По словам А.С.Эфрон, Цветаева ездила в Чистополь, надеясь перебраться туда и устроиться на работу в интернат для детей эвакуированных писателей. Не дождавись решения комиссии, которая решила вопрос в её пользу, она вернулась в Елабугу.

В журнале «Собеседник» (1998. № 3. С. 4) опубликованы записи Л.К.Чуковской, сделанные ею в Елабуге через четыре дня после смерти Цветаевой. В них говорится, что М.И.Цветаева хотела устроиться посудомойкой в писательскую столовую (которой тогда ещё не было, открылась только в конце 1941 г.). Здесь же воспроизведён и автограф заявления Цветаевой о том, что она хотела бы устроиться посудомойкой.

Рисунки
Марины
Цветаевой

167

«на бегу меня тяжкой дланью...»

ты уж, Анастасия Ивановна, и почишь мне. Я почищу, а она: ты уж и пожарь её заодно*... Да... О чём это я?

– Вернулась из Чистополя...

– Да, вернулась она из Чистополя то ли в четверг, то ли в пятницу, а в воскресенье это и случилось**. А накануне она с сыном поссорилась. Я ничего не поняла, говорили они не по-наше-

му («Скорее всего, по-французски», – вставляет Е.Н. Герасимов.)... Они часто ссорились, а в этот день – особенно громко...

– Значит, она была не в себе?

– Да как сказать... Расстроенная, конечно, только никому даже в голову не пришло...

– А как вы узнали об этом?

* По словам А.С.Эфрон, М.И.Цветаева умела и готовить, и вымыть, и всегда всё делала по дому сама. Но, видимо, хозяйке приезжая горожанка сначала показалась неприспособленной неумёхой. А может, всё объяснялось душевным состоянием Цветаевой.

** Воскресенье – 31 августа 1941 года.

– Я первая в тот день пришла. Прихожу – калитка заперта. Думаю, может, ушла куда? Да нет, изнутри заперта. Позвала мальчишек, они перелезли, открыли. Как вошла в калитку, сразу заметила: окно в пристрое, вон в том (она показывает на крошечную дощатую постройку рядом с сеньями), платком занавешено. Я ещё удивилась, не пойму, что к чему. Дверь в избу заперта*. Я достала ключи на всегдашнем месте, открываю – и сразу в глаза мне бросился стул – валяется в сенцах. Потом только подняла глаза, смотрю – она...

Анастасия Ивановна выводит нас в сенцы. Гвоздь – толстый, самодельный, с крупной шляпкой, вбитый в перекладину, – на старом месте**.

– А при чём тут окно пристроя? – недоумеваю я. – Ведь она... в сенцах...

– Я тоже только потом догадалась. Она, сердешная, видно, сначала в пристрое хотела... И перекладину облюбовала. Да потом, видно, подумала, что внучек напугается, не будет там спать... Тут у нас внук с дедом спали, на воздухе...

(Анастасия Ивановна предполагает, что М.И. Цветаева сделала это, чтобы её не увидели с улицы и не помешали. Но с улицы окна не видно.)

– Ну, ну, потом...

– Вызвала я милицию. Сама-то не подхожу, боюсь. Сняли её, занесли в избу***. Тут вскоре и сын пришёл. Я его на дворе поджидала. Думаю, как бы не того сразу-то... Увидела его и говорю:

– Не ходи в избу, там мама...

Не знаю, как и сказать-то. А он тут же всё понял, словно знал заранее, спрашивает: «Она жива?» Нет, говорю, так и так. Он как стоял, так и сел на землю. И в избу не стал заходить. Вообще больше не видел мать. Говорит: пусть она в моей памяти остаётся живая, как была... Дома после этого больше не спал, ходил ночевать к товарищам. Днём заходил, я ему поесть готовила. Да недолго он у меня прожил. Через неделю уехал в Чистополь. Она, Марина Ивановна-то, оставила две записки. В одной она говорила, почему так поступила. Я эту записку не читала, она сразу в милицию попала. А в другой, на имя Асеева, она просила позаботиться о сыне. К нему он и уехал****.

– Но она не очень бедствовала, не из-за голода это?

– Нет-нет! Летом сорок первого года ещё никто не знал. Да и запасы у неё с собой кой-какие были.

– И ничего после неё не осталось? Бумаги какие-нибудь, книги, хоть какая-нибудь вещь на память?

– Нет, ничего. Бумажки, что сын под кушетку сунул, мы сожгли, а больше ничего не осталось.

К этим запискам могу добавить, что ни в отделении милиции, ни в районной больнице, ни на кладбище, ни в других учреждениях, несмотря на тщательные поиски и статью в елабужской газете, не нашлось никого, кто бы помнил трагический случай в августе сорок первого.

Анастасия Ивановна обнаружила записку от 31 августа о смерти М.И. Цвета-

* По версии А.И.Цветаевой, дверь была не заперта на щеколду, а замотана изнутри верёвкой. Основываясь на этой детали, А.И.Цветаева заключает, что Марина Ивановна сделала это специально, чтобы дверь можно было открыть не сразу...

По моим запискам, дверь была заперта на деревянную щеколду, которая запиралась изнутри, а снаружи открывалась изогнутой проволочной отмычкой.

** Гвоздь этот хранится ныне в архиве М.И.Цветаевой.

*** По версии А.И.Цветаевой, из петли покойную вынул случайный прохожий, что представляется сомнительным.

**** В книге М.Белкиной «Скрещение судеб» (М., 1988) приводятся три записки: сыну, писателям, живущим в Елабуге, с просьбой отправить сына в Чистополь к Н.Н.Асееву, и самому Н.Н.Асееву.

ею, сделанную рукой Георгия, и аналогичную запись в милиции, в паспортном столе. Но когда я пошёл по этим учреждениям, не было уже и этих записей.

Железный крест

Удивительно, что событие это никак не отпечталось в памяти елабужан. И дело тут не в недостаточной тщательности поисков. Я ездил в Елабугу несколько раз. Позднее, уже непосредственно на месте, поиски продолжал преподаватель Елабужского пединститута В.М. Головкин.

Дело, видимо, в том, что в те тяжёлые дни августа сорок первого помыслы людей были заняты совсем другим – война принимала всё более грозный облик, каждый день – проводы на фронт, первые похоронки... К тому же, кроме Бродельщиковых, никто из коренных жителей Цветаевых не знал...

На предполагаемом месте могилы М.И. Цветаевой, точнее, в том районе, где хоронили умерших, эвакуированных в 1941 году, Анастасия Ивановна установила железный крест, сваренный из водопроводных труб (и, судя по всему, снятый сторожихой с чьей-то бесхозной могилы).

Узнав от хозяйки адрес А.И. Цветаевой, я написал ей письмо. Рассказал о своих поисках, задал несколько интересующих меня вопросов. Ответ я получил уже от дочери Марины Ивановны, Ариадны Сергеевны Эфрон. Привожу это письмо с незначительными сокращениями:

«21 июля 1964.

Многоуважаемый Рафаэль Ахметович!

Сестра моей матери, М.И. Цветаевой, Анастасия Ивановна передала мне Ваше письмо с просьбой ответить на него; делаю это с глубокой благодар-

ностью Вам за внимание к памяти моей матери и за предложение содействия в отношении сооружения памятника на елабужском кладбище.

К сожалению, о могильном памятнике или кресте и говорить не приходится, прежде чем будет обнаружена сама могила; крест, поставленный А.И. Цветаевой, находится на произвольно выбранном ею месте, среди безымянных захоронений 1941 года, и неизвестно, чей прах находится под ним или в непосредственной его близости; в своё время, увы, могила Цветаевой никем и ничем не была отмечена, и найти её сейчас трудно. Но не невозможно! За недолгие дни, проведённые в Елабуге, Анастасия Ивановна, естественно, не смогла произвести исчерпывающих розысков, хоть и сделала очень много в этом отношении. Надо произвести розыски, так сказать, изнутри, из самой Татарии, из самой Елабуги. Приезжим вряд ли удастся то, что может удасться старожилам, местным людям, свидетелям происходившего на их глазах, на их памяти. Надо бы обратиться к помощи краеведов, «красных следопытов»; м. б., поместить открытое письмо соответствующего содержания в местной газете*. СП Татарии сделал бы большое дело, если бы помог в этом. Подумайте и напишите мне. Литфонд СССР, конечно же, поможет средствами (в отношении памятника), как только выяснится что-то конкретное. Что же до приведения в пристойный вид того, временного, креста, к-рый поставила по своему усмотрению А.И., то думаю, что писатели Татарии смогут потратить на это банку масляной краски без специальных ассигнований Литфонда, верно ведь?

Бумаг Цветаевой в Елабуге не осталось: весь её архив был вывезен её сыном Георгием и по дорогам войны, с огромными трудностями, доставлен в Москву, к родственникам моего отца,

* Такие попытки предпринимались много раз, но не дали практически никаких результатов.

которые спасли его до моего возвращения из ссылки (по реабилитации). Теперь он хранится у меня.

Мой брат действительно погиб на фронте в возрасте 18 лет*.

Зинаида Фёдоровна Серебрякова-Добычина в Москве не проживает – мы наводили справки. М. б., Вам известны имя, отчество и фамилия её сына? М. б., её самой уже нет в живых? Кто она такая – есть или была?*

Очень меня огорчает Ваше сообщение о «сплетнях» относительно смерти моей матери. Сплетням не место вокруг этой гибели. А причины её – в человеческом равнодушии, в нечеловеческих условиях, в которых пыталась жить моя мать по возвращении на родину в те, сталинские, времена которые ещё усугублялись войной и эвакуацией».

От автора

Меня иногда спрашивают, что послужило толчком к поискам сведений о пребывании М. Цветаевой в Елабуге.

Отвечаю: знакомство с её только что вышедшим в начале 1960-х годов томиком стихов.

Её стихи потрясают. Покоряют сразу – и навсегда...

Даже если и не всё понимаешь, чувствуешь, ощущаешь: это что-то необычное, из ряда вон. В каждой её строке столько бьющей ключом страсти, что иной раз складывается впечатление нагромождения чувств. Возникают своего рода словесные и образные торосы, через которые не так то просто пробиться. Есть в её поэзии и перенапряжение лирического начала, и поразительный напор эмоций. Из-за этого её речь порой отрывочна и косноязычна. Но именно этим её стихи и завораживают...

Стихи М. Цветаевой гениальны до умопомрачения. Читая их, испытываешь не только эстетическое наслаждение, но и сложные, противоречивые чувства. С одной стороны – намеренная усложнённая образная система, создающая трудность для восприятия. А с другой – ощущение головокружительной глубины. Чтение её стихов – это приобщение к подлинно великому, обжигающе яркому.

М. Цветаева умеет вместить сумятицу чувств в строгие рамки гармонии. Ни одного тусклого или бесцветного слова! Все строки – живые, сочащиеся кровью чувств. Её стихи – это гремучая смесь прозы жизни и поэтического огня, страстного стремления к людям и убийственной отрешённости от них. Каждое её стихотворение уникально, чувства, переживаемые ею, неповторимы.

«Через два месяца после приезда Цветаевой в Советский Союз был арестован (и впоследствии, конечно, безвинно, расстрелян) её муж, мой отец, Сергей Яковлевич Эфрон; вместе с ним была арестована и я, и уже ничем не могла помочь матери, как и она мне. С 1939 по 1941 г. моя мать мыкалась без жилья, без своего угла, с тогда малолетним сыном по чужим людям, по случайным знакомым; какое-то время «жила» у сестёр моего отца, в девятиметровой комнате четвером. Сестра её, А.И., тоже была репрессирована и ничем не могла помочь; вторая сестра, сводная, Валерия Ивановна, не желала знаясь с сестрой, вернувшейся из эмиграции, и даже не подошла к телефону, когда она ей позвонила. Не желали знаясь с бывшей эмигранткой (да ещё с репрессированными родственниками!) и бывшие друзья и знакомые, во всяком случае многие из них. Старался помогать, добывая переводческую работу, Пастернак... Комнату

* Георгий Сергеевич Эфрон погиб в июле 1944 года близ деревни Друйка Браславского района Витебской области Белорусской ССР в возрасте девятнадцати лет (справка райвоенкомата от 13 февраля 1978 г.)

** Речь в моём письме шла о людях, знавших М.И.Цветаеву в Елабуге.

снять удалось лишь месяца за два до начала войны; чтобы в неё втиснуться, пришлось раздать и распродать почти всё, привезённое с собой, включая библиотеку. Началась война; закончив очередную стихотворный перевод для Гослитиздата, Цветаева с сыном эвакуировалась в Чистополь с группой Литфонда (она не была членом СП!), руководимой Н.Н. Асеевым. Везла с собой свой рукописный архив, немного вещей и совсем мало денег. В Чистополе, где был хоть какой-то шанс «устроиться», её не прописали и отправили в переполненную эвакуированными, в безнадёжную в отношении работы Елабугу. В ней Цветаева прожила всего десять дней. Накануне гибели она поехала в Чистополь, просила Асеева помочь с пропиской и устройством в детский дом писателей в качестве посудомойки; Асеев отмахнулся; на собрании, разбиравшем её заявление, нашлись люди, выступившие против её кандидатуры (в частности, Тренёв – драматург). Находившаяся в соседней комнате моя мать слышала это; не дождавшись конца собрания (после выступления Паустовского в защиту Цветаевой, решившего «вопрос» положительно), она вернулась в Елабугу и покончила с собой. Перед смертью она написала прощальное письмо нам, детям, и мужу, о гибели которого не знала. Она просила нас простить её за то, что больше не могла всего этого вынести. Второе письмо она оставила Асееву, прося его позаботиться о её сыне «как о своем собственном»; Асеев не выполнил этого завета. Денег у мамы, когда она умерла, оставалось 400 тех, военных, рублей – цена двух буханок чёрного хлеба. Вот вам причины...»

Это и другие письма А.С. Эфрон хранятся у меня.

Последнее письмо

Татарский критик Гази Кашшаф (ныне покойный), бывший в годы войны секретарём партийной организации Союза

писателей Татарии, рассказал, что, как ему помнится, Марина Цветаева, о трагической гибели которой он, конечно же, слышал, написала из Елабуги одно или два письма на имя бывшего председателя Союза писателей Татарии Тухфата Имамутдинова.

Я тогда же, в 1964 году, разыскал Т. Имамутдинова, и он подтвердил, что получил от Цветаевой два письма (именно два – он помнил это совершенно отчётливо), в которых она просила помочь ей устроиться на работу и общала о своём тяжёлом положении.

Первое письмо, опущенное, очевидно, с дороги, сдержанное, а второе было написано в отчаянных тонах. Ответить на эти письма Имамутдинов не успел – вскоре пришло сообщение о трагической смерти Цветаевой.

Писем этих у Имамутдинова не оказалось. Он высказал предположение, что они могли сохраниться в архиве.

В Государственном архиве Татарии в одной из папок с делами Союза писателей я обнаружил пожелтевшую от времени почтовую открытку, помеченную номером 131 и написанную крупным, чётким, по-мужски твёрдым почерком:

«Уважаемый товарищ Имамутдинов! Вам пишет писательница-переводчица Марина Цветаева. Я эвакуировалась с эшеломом Литфонда в гор. Елабугу на Каме. У меня к Вам есть письмо от и.о. директора Гослитиздата Чагина, в котором он просит принять деятельное участие в моём устройстве и использовать меня в качестве переводчика. Я не надеюсь на устройство в Елабуге, потому что кроме моей литературной профессии у меня нет никакой. У меня за этой же подписью есть письмо от Гослитиздата в Татиздат с той же просьбой.

На днях я приеду в Казань и передам Вам вышеуказанное письмо.

Очень и очень прошу Вас и через Вас Союз писателей сделать всё возможное для моего устройства и работы в Казани. Со мной едет мой 16-летний сын. Надеюсь, что смогу быть полезной как поэтическая переводчица.

Марина Цветаева».

Поперёк письма размашистым почерком написано: «К делу». Даты под письмом нет, но на почтовом штемпеле указано число: 18 августа 1941 года. Обратного адреса также нет.

Судя по штемпелю, письмо опущено в Казани. Это и было, очевидно, то первое письмо, о котором говорил Т. Имамутдинов. Второго письма найти не удалось.

Прошло полвека

В начале 1970 года на месте предполагаемой могилы М.Цветаевой установлено гранитное надгробие.

В 1990 году писательская организация Москвы обратилась к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II с просьбой снять смертный грех с самоубийцы и освятить могилу М. Цветаевой. Патриарх внял этой просьбе.

31 августа 1990 года в Покровской церкви Елабуги состоялась панихида по полному чину памяти М. Цветаевой. С тех пор панихиды проводятся ежегодно.

В последние годы в Елабуге продолжают работы по созданию мемориала М. Цветаевой. Помимо дома-музея и памятника поэту здесь открыты выставочные залы, посвященные М. Цветаевой, конференц-зал и библиотека.

Копию письма М.И. Цветаевой я отправил Ариадне Сергеевне и вскоре получил от неё следующий ответ:

«2 сентября 1964.

Многоуважаемый Рафаэль Ахметович, простите, что с таким опозданием отвечаю на Ваше сердечное письмо: я уезжала из Тарусы, куда вернулась только на днях. Вообще же «зимовать» переберусь в Москву, вероятно, в октябре, и если в зимние месяцы Вы побываете в столице, то нам легко будет повидаться.

Большое спасибо за копию письма Имамутдинову: это – одно из последних

маминых писем. Очень важно, что Вам удалось его обнаружить; теперь эта копия в цветаевском архиве* – благодаря Вам. Да, возможно, будь на месте Имамутдинова другой человек, всё обернулось бы иначе – проклятое «бы»! Такими «бы» вся жизнь моей матери вымощена, особенно последние месяцы, последние дни. Страшны были те времена, расплывчато называемые «периодом культа»; сейчас нам самим, всё пережившим, кажется невероятным, что могло быть то, что было, да ещё в двадцатом веке, да ещё в гуманнейшей стране...

...Тотчас после моего возвращения в Москву из «мест не столь отдалённых» я начала разыскивать людей, бывших в эвакуации вместе с моей матерью. Мне кажется, я разыскала всех или почти всех и узнала от них всё, что они помнили. Вернее, эти розыски я начала ещё в 1947–48 гг. (в этот промежуток времени я была «на воле», между заключением и ссылкой!), и тогда мне удалось кое-кого разыскать и записать с их слов то, что в те годы люди ещё хорошо помнили; теперь же с тех пор прошло столько лет, что те же самые бывшие эвакуированные обо всём рассказывают иначе, забывают и путают – память им изменяет. Это естественно... Так или иначе, ни в 1947–48, ни с 1955 по сегодняшний день, я не разыскала никого, кто помнил бы местонахождение могилы, хотя некоторые были на похоронах. По роковому стечению обстоятельств большинства людей, бывших в то время в Елабуге и впоследствии знакомых с моим братом, уже нет в живых; так, скажем, нет в живых молодого литератора Алексея Кочеткова, знавшего мою мать в Москве, эвакуировавшегося одновременно, или почти, с нею, и потом вместе с моим братом перебравшегося в Ташкент; его свидетельство было бы бесценным... А среди живых свидетелей немало, увы, и фантазёров, рассказывающих басни и,

* После смерти А.С.Эфрон в 1975 году архив М.И.Цветаевой хранится в ЦГАЛИ.

вольно или невольно, искажающих истину.

Сестре моей матери, Анастасии Ивановне, ездившей в Елабугу года два-три тому назад, могилу разыскать не удалось. Так же, как и Вам, ей удалось побывать у своей тётки, квартирной хозяйки моей матери, но ничего толкового о местонахождении могилы она не узнала и от неё. Ничего не узнала и в милиции – как Вам известно, архивы не сохранились; кладбищенского сторожа, при котором происходили похороны, уже не было в живых; моя тётка говорила с его женой, которая смогла лишь указать сторону кладбища, на которой хоронили умерших в 1941 г. Исходя из этого указания, А.И. поставила крест в той стороне, м. б., и в том ряду, где могла бы находиться могила; но всё это недостоверно.

Вы спрашиваете меня, не хотела бы я приехать в Елабугу? О нет, я этого не хочу. У меня просто ужас перед Елабугой, насколько меня тянет к тем местам, где мама жила, настолько сильно моё оттолкновение от места, где она погибла жертвой несказанного человеческого равнодушия, жестокости, трусости. Короче, сама Елабуга тут ни при чём, равнодушие, жестокость и трусость преследовали маму давно и лишь в Елабуге добились её, как могли бы добить в любом другом месте, но тем не менее именно этот городок на Каме был местом её смерти, с которой я никогда не смогу свыкнуться и смириться. Конечно, будь бы могила – тот уголок, который оставшиеся в живых могут укрывать, над которым могут плакать, – я бы приехала и приезжала; но там ведь только кладбище, где она затерялась; не только «душу живу», но и прах её не смогли сохранить люди. Что люди, когда мне и самой не было это дано судьбой – тем самым Роком!

Тем не менее сердечная Вам благодарность за предложение приехать, за предложение помощи. М. б., когда-нибудь смирюсь духом и приеду. А пока – нет».

Осенью того же 1964 года я встре-

тился с Ариадной Сергеевной и затем каждый раз, приезжая в Москву, бывал у неё. Наше знакомство переросло в дружбу, скреплённую общим делом – «пробиванием» надмогильного памятника Марине Цветаевой. При всей разнице в возрасте, мы легко находили общий язык. Ариадна Сергеевна, казавшаяся многим слишком суровой, сдержанной, в сущности была очень доброй, душевной, отзывчивой. Но это была не доброта, обращённая ко всем без разбору. Нет, Ариадна Сергеевна была и требовательной, и острой на язык, когда речь заходила о неприятных ей людях и явлениях. Не прощала малейшей нотки неискренности и фальши. Терпеть не могла истеричных поклонников М. Цветаевой, сильно досаждавших ей.

Первый в России

Ясный солнечный день 31 августа 2002 года. Высоко в небе плывут белопенные облака. Кричат растревоженные вороны на старых тополях...

В старой части Елабуги необычное оживление. На тихую Малую Покровскую, застроенную одноэтажными частными домиками преимущественно дореволюционной постройки, собрались многотысячные толпы елабужан. Студенты пединститута, культпросветучилища, курсанты Елабужской школы милиции в синей униформе. Почти у всех в руках букеты цветов.

На открытие памятника из Москвы приехали видные писатели, учёные, музейные работники. Есть и представители властей – Кабинета Министров Татарстана, Министерства культуры, Национального музея.

В торжественной обстановке, под звуки классической музыки, спадает белое покрывало, и взорам собравшихся открывается бюст Марины Цветаевой. Первый в России памятник великому поэту (авторы – московские скульпторы Александр Головачёв и Владимир Демченко).

С краткими проникновенными речами на митинге памяти выступают известная писательница Лидия Либединская, учёный и библиограф Лев Мнухин, вице-премьер республики Зиля Валеева, глава администрации Елабуги Ильшат Гафуров.

Сейчас этот памятник уже вошёл в повседневную жизнь елабужан и стал неременной деталью городского пейзажа.

174

Мир по-прежнему тесен

Казалось бы, трудно, почти невозможно сказать о Марине Цветаевой какое-то новое слово. И вдруг выясняется, что все мы, в том числе и преданные поклонники М. Цветаевой, многого о ней не знали. Оказывается, она была не только замечательным поэтом и прекрасным музыкантом (пианисткой), но и неплохим художником-графиком. Страстный пропагандист её творчества Юрий Зыслин, проживающий ныне в г. Вашингтоне, обнаружил и впервые опубликовал восемь неизвестных прежде рисунков Марины Цветаевой, которые мы и представляем своим читателям.

Ю. Зыслин – кандидат технических наук, выросший и долгие годы работавший в Советском Союзе, а затем эмигрировавший в Америку. Ещё на родине он получил известность, как бард, исполняющий под гитару свои и чужие песни. Но ещё больше он прославился, как неутомимый коллекционер, собирающий материалы о поэтах серебряного века.

В столице США Вашингтоне Ю. Зыслин создал в собственной квартире Музей русской поэзии и музыки, доступ в который открыт всем желающим. Сейчас этому музею уже больше десяти лет. В фондах музея – тысячи бесценных экспонатов: книги, фотографии и рукописи Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, других поэтов сере-

бряного века. Среди экспонатов есть и уникальные. В их числе – семь томов автографов Анастасии Ивановны Цветаевой, полный архив ближайшей подруги М. Цветаевой Екатерины Исаковны Альтшуллер-Еленевой (она встречалась с М. Цветаевой в Чехии и потом много лет переписывалась с ней, бережно собирала всё, что связано с именем поэта).

Ведущее место в Музее русской поэзии и музыки занимает, конечно, сама Марина Цветаева. Ей посвящена самая большая экспозиция, включающая её подлинные портреты, выполненные русскими художниками, 150 листов копий автографов поэта из бахметьевского архива в Нью-Йорке, 12 предметов личных вещей А. И. Цветаевой, автографы дочери Марины Цветаевой Ариадны Эфрон, книги, статьи, материалы научных конференций, воспоминания о поэте, видео- и аудиозаписи.

Я познакомился с Юлием Зыслиным в августе 1991 года, когда он приезжал в Елабугу на полувековую годовщину её гибели». Уже тогда я был приятно поражён и восхищён его энергией, напором, страстной увлечённостью. И ещё – его несомненным талантом рассказчика и исполнителя. Он с жаром рассказывал о своих поисках и находках, декламировал любимые стихи, время от времени брал в руки гитару и исполнял песни на слова Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, других русских поэтов. Завороженные его приятным выразительным баритоном слушатели забывали о времени и готовы были слушать его часами.

Недавно Юлий Зыслин прислал мне свою новую книгу «Мир по-прежнему тесен. Встречи, поиски, находки». Она издана в 2008 году в Чикаго издательством «Континент». Здесь подробно рассказывается об истории поиска рисунков Марины Цветаевой.

Собственно, казалось бы, искать особо и не нужно было. Они хранились в архиве Российской государственной библиотеки в Москве, бывшей «Ленинки». Выставлялись всего один раз – в

1992 году, в год столетия поэта. И то всего на один день. Выставка эта прошла практически незамеченной. Во всяком случае, в литературе о Марине Цветаевой, насчитывающей сотни томов, о рисунках поэта до сих пор ничего не говорилось.

Ю. Зыслину после долгих безуспешных попыток удалось получить копии этих рисунков (восемь графических портретов) и впервые опубликовать их в своей книге. Это четыре женских и четыре мужских головы. В сопроводительной бумаге из архива Российской государственной библиотеки лаконично сообщается: «Автор – Цветаева М.И. Карандаш. Фонд «Никитские субботники», мужские и женские головы (1910-е годы)».

Рисунки оставляют очень благоприятное впечатление. Они выполнены твёрдой рукой профессионала. Лица очень выразительны и эмоциональны. Пропорции выдержаны точно. Не исключено, однако, что это просто перерисовка иллюстраций из какой-нибудь книги.

Рисунки не подписаны. Но высказывалось мнение, что на них изображены Фёдор Достоевский, Владимир Соловьёв, Самсон, апостол Павел, Сара Бернар и кн. Марина Лопухина.

Ю. Зыслин поддерживает постоянную связь с музеем Марины Цветаевой в Елабуге и созданной здесь же библиотекой поэтов серебряного века. Он охотно делится своими находками со цветаеводами нашей страны. Так, ва-

шингтонский исследователь собрал много новых интересных материалов об отце М. Цветаевой – Иване Владимировиче Цветаеве, основателе и первом директоре Музея изящных искусств в Москве (ныне – Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). На основе этих материалов он давно и упорно добивается того, чтобы этому музею присвоили имя его основателя – И.В. Цветаева. По его словам, слава Пушкина от этого ничуть не пострадает, а основателя музея забывать нельзя.

Очень интересны собранные Зыслиным материалы о сестре Марины Ивановны – Анастасии Цветаевой. Она прожила 99 лет, из них 22 года провела в гулаговских лагерях и ссылке. Всего же все Цветаевы (муж, дочь, сестра и другие близкие родственники М. Цветаевой) в общей сумме провели в ГУЛАГе 78 лет.

Все большие поэты – пророки, предвидящие свою судьбу на многие годы вперёд. Вчитываясь в стихи Марины Ивановны, невольно содрогаясь, наталкиваясь на такие пророческие строки:

Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжкой дланью
Схватила за волосы судьба.

1915

Читая подобные строки, невольно думаешь: ничто не дается даром. Только великая трагедия рождает великую поэзию.